



ГЛАВА 1

РЕЧНОЙ БЕРЕГ

Всё утро Крот усердно занимался весенней уборкой своего небольшого жилища. Сначала орудовал щёткой, затем в ход пошли тряпки, и, наконец, взобравшись на стремянку с кисточкой и ведёрком побелки в лапах, Крот принялся белить потолок. Скоро в горле у него запершило, глаза стали слезиться от пыли, чёрная шубка оказалась заляпанной побелкой, а спина и лапки заныли. А наверху в воздухе разливалась весна, и её божественный аромат всё настойчивее проникал под землю, в его глубокую и тёмную норку, вызывая неясное беспокойство

и тоску. Поэтому нет ничего удивительного в том, что внезапно с криками: «Надоело!», «Довольно!», «Пропади эта уборка пропадом!» Крот устремился прочь из дому, второпях даже не надев пальто.

Словно услышав настойчивый зов откуда-то сверху, он ринулся в узкий крутой тоннель, заменявший ему посыпанные гравием подъездные дорожки к домам зверушек, обитавших ближе к солнцу и открытому воздуху.

Он карабкался, скрёбся, пропихивался, затем опять карабкался, скрёбся и пропихивался, неистово работая маленькими лапками и повторяя про себя: «Наверх, наверх!» И вот наконец его мордочка высунулась на свет божий, а затем и весь он оказался в тёплой траве на большом заливном лугу.

«Как здорово! — радостно подумал Крот. — Уж куда лучше, чем белить потолок!»



Его шёрстка нагрелась под лучами солнца, разгорячённый лоб ласкал прохладный ветерок, а в уши, привыкшие к тишине подземного дома, врывались ликующие птичьи трели.

От переполнявшего всё его существо радостного ощущения жизни и праздника весны, для которого вовсе не требовалась никакая уборка, Крот вскочил на все четыре лапы и двинулся через луг к дальней изгороди.

— Стой! — раздался чей-то голос из канавы. — Шесть пенсов¹ за проход по частной дороге!

Присмотревшись, Крот увидел старого кролика, но не счёл нужным реагировать и, презрительно фыркнув, затопал вдоль изгороди, посмеиваясь над другими кроликами, которые торопливо выбирались из своих норок посмотреть, что там за шум.

— Кролик в луковом соусе! В луковом соусе! — тем временем вспомнил Крот

¹ Английская монета. — Здесь и далее прим. ред.

и поспешил скрыться до того, как кролики придумают достойный ответ.

Те же, как водится, принялись браниться между собой:

— Какой ты тупой! Почему не сказал ему...

— А ты что молчал?

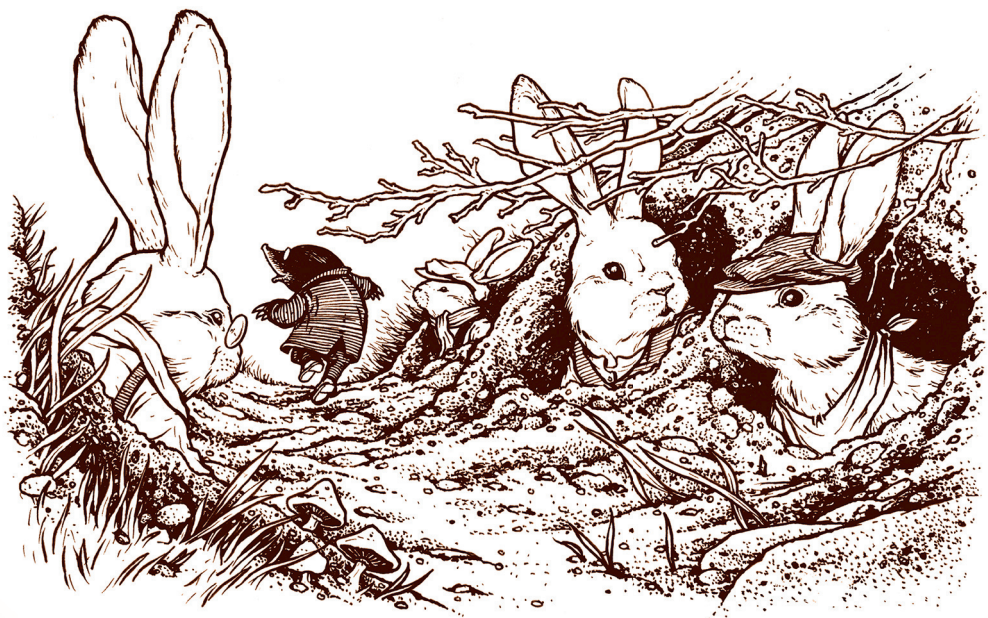
— Мог бы напомнить ему...

Красота пробуждающей природы казалась нереальной.

Крот с наслаждением бегал по лугам, прохаживался вдоль живых изгородей, продирался сквозь молодую поросль, наблюдая, как всюду кипит жизнь, счастливая, молодая, энергичная: строили гнёзда птицы, у цветов набухали бутоны, распустились первые листочки.

Вместо уколов совести, которая вполне могла бы шёпотом напомнить ему про поделку, Крот лишь испытывал счастье, оттого что мог празднично шататься, когда вокруг кипит работа. В конце концов, нет ничего приятнее, чем наблюдать, как работают другие.

И совсем уже блаженство Крот почувствовал, когда, шагая куда глаза глядят, внезапно оказался на берегу полноводной реки. Никогда в жизни он не видел реку — это гладкое извивающееся сильное животное, которое бежало себе вперёд, усмехаясь, с бульканьем хватая предметы и потом со смехом отпуская, чтобы найти новые игрушки, уже было освободившиеся, но пойманные рекой опять. Всё в ней трепетало и колыхалось, искрилось и переливалось, кружилось и перекатывалось,



журчало и булькало. Река восхитила, очаровала и, кажется, даже околдовала Крота. Он семенил по берегу, едва поспевая за течением, словно маленький ребёнок, которого взрослый ведёт за руку и одновременно рассказывает увлекательную сказку, пока наконец не устал и не уселся передохнуть. А река побежала дальше, ни на минуту не умолкая, с журчанием унося свои лучшие истории из недр земли в ненасытное море.

Сидя на травке и глядя на воду, Крот заметил тёмное отверстие на противоположном берегу над самой водой и принялся мечтать, как здорово было бы здесь поселиться: ни шума, ни пыли. Пока он так размышлял, в норе что-то сверкнуло, исчезло, затем вновь сверкнуло, словно зажглась крохотная звёздочка. Однако, принимая во внимание необычную ситуацию, это вряд ли была звезда, а для светлячка сверкнуло слишком уж ярко. Крот взглянул ещё раз, и звёздочка подмигнула ему, оказавшись чьим-то глазом, который,

словно картину рама, постепенно стала обрамлять маленькая мордочка, коричневая, с усами. Показались и аккуратные небольшие ушки, а затем и туловище, покрытое блестящей шкуркой.

Речной Крыс!

Оба зверька, стоя некоторое время неподвижно, внимательно изучали друг друга.

— Привет, Крот! — воскликнул Речной Крыс.

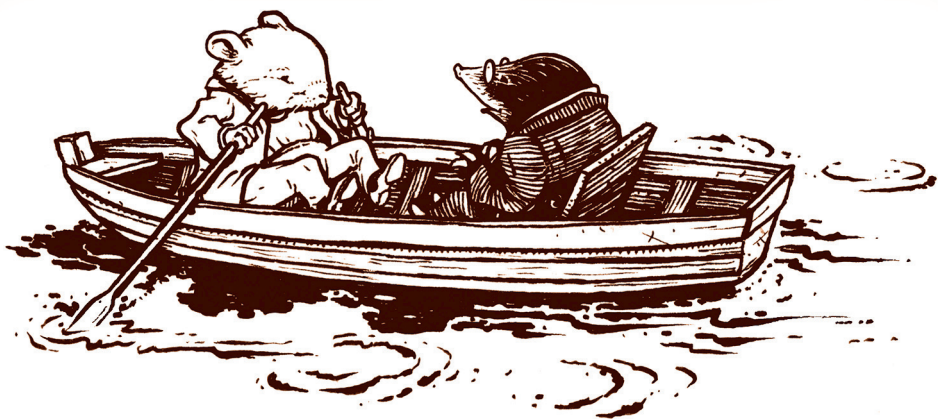
— Здорово, Крыс! — ответил Крот.

— Может, переберёшься сюда? — после некоторой паузы предложил Крыс.

— Легко! — проворчал Крот.

Впервые оказавшись у реки, он понятия не имел, как местные обитатели переправляются с берега на берег.

Крыс тем временем нагнулся, отвязал канат, который удерживал маленькую лодку, и легко прыгнул. Голубая снаружи и белая внутри, лодка словно идеально подходила для двух зверьков и очень понравилась Кроту, хотя он и не сразу понял её назначение.



Ловко работая вёслами, Крыс быстро пересёк реку, а когда Крот осторожно спустился к воде, протянул ему лапку.

Оказавшись на корме самой настоящей лодки, Крот с восторгом воскликнул:

— Какой замечательный день! Я ведь первый раз в жизни плыву на лодке.

— Неужели? — Крыс даже рот открыл от изумления. — Первый раз в жизни?! Ну, знаешь! Да как же ты жил до сих пор?

— Наверное, это очень здорово, — робко заметил Крот, хотя сам уже не сомневался, что это именно так, откинувшись на подушки и рассматривая вёсла, уключины и прочие удивительные приспособления под лёгкое покачивание лодки.

— Здорово? Да лодка вообще единственная стоящая вещь! — заявил Крыс, ухватившись за вёсла. — Знай же, мой юный друг, что нет ничего, совсем ничего, что может сравниться с удовольствием просто покопаться в лодке, просто покопаться...

— Осторожно, Крыс! — вдруг закричал Крот.

Но было уже поздно: на полном ходу лодка врезалась в берег, и через мгновение размечтавшийся было весёлый гребец уже болтал в воздухе задними лапками, плюхнувшись на дно судёнышка.

— ...в лодке или с лодкой, — рассмеялся Крыс, поднимаясь, — в ней или около неё — неважно. Вся прелесть в том и состоит, что совершенно неважно, отплываешь ты или остаёшься, доберёшься ли туда, куда хотел, а может, совсем в другое место или вообще никуда; ты всегда занят, но ничем конкретно, и когда что-то сделал, у тебя ещё остаются дела, которые ты можешь при желании сделать, но лучше не надо. Послушай! Если тебе

нечего делать сегодня утром, давай вместе поплывём вниз по реке и насладимся жизнью.

Крот радостно всплеснул лапками, удовлетворённо вздохнул и, блаженно откинувшись на подушки, воскликнул:

— Как мне повезло сегодня! Поплыли!

— Одну минуту!

Привязав лодку к кольцу на причале, Крыс забрался в свою нору и вскоре вылез оттуда, пошатываясь под тяжестью плотно набитой корзинки с провизией. Передавая её Кроту, Крыс попросил:

— Поставь её вниз, в лапы.

Затем он отвязал лодку и вновь взялся за вёсла.

— А что там, внутри? — поинтересовался Крот, сгорая от любопытства.

— Внутри холодный цыплёнок, холодный язык, холодная ветчина, холодная говядина, — затараторил Крыс, — огуречный салат, мясные рулеты, сэндвичи с кресс-салатом, мясные консервы, имбирный лимонад, газировка...



— Хватит, хватит, — заволновался Крот. — Куда нам столько!

— Ты так думаешь? — удивился Крыс. — Это всего лишь то, что я обычно беру с собой на небольшие прогулки по окрестностям, а здешние обитатели считают меня настоящим скрягой!

Но Крот уже не слышал его. Захваченный новыми ощущениями, вступая в новую жизнь, опьянённый бликами на воде, запахами, звуками и солнечным светом, он опустил лапу в воду и словно грезил наяву. Как и подобает настоящему другу, Крыс взял всю работу в свои лапы и не беспокоил Крота.

— Мне очень нравится твой костюм, старина, — заметил Крыс по прошествии получаса. — Придёт время, и я тоже смогу позволить себе чёрный бархатный смокинг.

— Извини. — Крот с трудом вернулся из мира грёз к действительности. — Я, должно быть, кажусь тебе невежей, но для меня это всё так ново. Вот она какая — речка!



— Не речка, а река, — поправил его Крыс.

— Как, наверное, это здорово — жить у реки!

— У реки, с рекой, на реке и в реке, — заметил Крыс. — Она и брат мне, и сестра, и остальные родственники и друзья. Она и еда, и питьё, и, разумеется, вода для бытовых нужд. Она для меня целый мир, и другого не нужно. Если в ней чего-то нет, то это и не нужно, и если чего-то она не знает, то и мне необязательно. Нам есть что вспомнить! Зимой и летом, весной и осенью у неё свои забавы и развлечения. Вот в марте, например, когда случается половодье и вода заливают мои кладовки и подвал, за окном моей любимой спальни плещется бурая вода, а когда она отступает, то остаются комья ила, пахнущего как сливовый кекс, ветви и камыш засоряют притоки, и я могу ходить по её дну, почти не замочив лап, и находить не только еду, но и всякие вещицы, которые падают с лодок беспечных людей!

— А тебе никогда не бывает скучно? — робко поинтересовался Крот. — Только ты и река, и не с кем даже словом перекинуться.

— Не с кем... тебе это трудно понять, — снисходительно произнёс Крыс. — Тебе это всё в диковину. Здесь на берегу теперь полным-полно народу, и многие даже уходят отсюда. Совсем не то, что раньше. Выдры, зимородки, утки, куропатки целыми днями всё хлопочут, всё чего-то от меня хотят, будто без них дел мало!

— А что там? — спросил Крот, махнув лапкой в сторону леса, тёмной стеной обступившего заливные луга на берегу.

— Там? О, это Дикий лес, — лаконично ответил Крыс. — Мы, речные жители, туда редко заглядываем.

— Тамошний народец, наверное, не слишком приветлив? — боязливо заметил Крот.

— Да как сказать... С белками вполне можно иметь дело, а кролики... среди них всякие встречаются. Ну и Барсук,